

Длинный, невероятно тонкий язык, словно вытянутый еще на несколько футов язык висельника, заметался в воздухе. Густая, липкая слюна веером брызнула на землю. Следом за языком сквозь брешь в барьере отчаянно пыталась протиснуться уродливая голова — тупорылая, похожая на свиное рыло, но увенчанная острыми рогами.

— Призрачный зверь!

Из четырех человек, находившихся в пещере, ближе всех к барьеру стояли Цзян Ту и Чэн Жан, однако длинный язык твари, проигнорировав их, устремился напрямик к Е Хуаю!

Е Хуай мгновенно отпрянул назад. Костяной меч со свистом покинул ножны, и юноша наотмашь рубанул по скользкой плоти.

Но язык, казавшийся мягким, на поверку оказался тверже стали. Раздался оглушительный металлический звон, и сила отдачи швырнула Е Хуая назад.

В тот самый миг, когда он потерял равновесие, в воздухе блеснуло лезвие.

Широкий клинок с маху перерубил извивающийся отросток пополам.

Острые сабли глубоко вонзились в землю. Опершись на рукоять, Чэн Жан взмыл в воздух и с глухим треском впечатал подошву в свиное рыло, вбивая призрачного зверя обратно за барьер.

Не теряя ни секунды, он вновь взмахнул оружием и плашмя ударил по трещине:

— Запечатать!

Сияние на поверхности барьера Небесной реки пришло в движение, закружившись подобно звездному вихрю. Трещина стремительно затянулась, наливаясь духовной силой. Яростные удары беснующейся по ту сторону твари затихли через несколько мгновений.

Спрятав саблю в ножны, Чэн Жан негромко выругался:

— Ну и мерзость живучая... Вы как, целы?

Е Хуай уже поднялся на ноги. Извивавшийся в пыли, но невредимый, он завороченно перевел взгляд на оружие своего спасителя:

— Спасибо. Вы выручили меня.

— Да пустяки. Призрачные звери — твари крайне настырные, — добродушно отозвался Чэн

Жан и, заметив интерес юноши, охотно продемонстрировал клинок. — Это моя верная Сабля Вступления в Сражение. Наставник подарил её мне, когда я только переступил порог ордена.

Затем он перевел взгляд на костяной меч в руках Е Хуая:

— А твой меч — истинное сокровище. Никогда еще не встречал в мире заклинателей столь изящного оружия.

Пальцы Е Хуая крепче сжали рукоять.

— Подарок благодетеля, — тихо произнес он.

— Вот как? — удивился Чэн Жан. — Господин Цзян — заклинатель меча?

Цзян Ту на секунду задумался, прежде чем ответить:

— Можно сказать и так.

На самом деле он владел любым оружием, хотя в бою предпочитал полагаться на собственные руки. Костяной же меч достался Е Хуаю лишь потому, что мальчишка обладал редким талантом к искусству меча. Но пускаться в долгие объяснения перед посторонними Цзян Ту не собирался.

Чэн Жан окончательно убрал оружие.

— Призрачные звери — создания темные, они не принадлежат ни к одному из Трех миров. В наши дни заклинатели способны поддерживать барьер Небесной реки лишь благодаря наследию Яосюаня...

— Шисюн! — резко оборвал его Чэн Се, не дав закончить фразу. — Как ты смеешь произносить имя этого грешника вслух? Если до Верхнего царства дойдут слухи, наш орден Прихода и Ухода навсегда вычеркнут из реестра бессмертных! Дома говори что хочешь, но упаси тебя Небо повторить это при чужаках!

Лицо Чэн Се сделалось бледным и суровым, словно само упоминание имени «Яосюань» могло навлечь мгновенную кару.

Цзян Ту понятия не имел, о ком идет речь, но, заметив смущение Чэн Жана и глухую оборону, в которую встал Чэн Се, решил не расспрашивать понапрасну. Вместо этого он вновь устремил взор на барьер Небесной реки.

После починки преграда сияла еще ослепительнее, но за этой сияющей завесой, скрытые вечной тьмой, таились бесчисленные полчища тварей, подобных давешнему веprü. Они ждали своего часа.

— Как думаешь, сколько еще выстоит барьер? — спросил Цзян Ту.

Чэн Жан прикинул в уме:

— Если не случится великой беды, сотню лет он точно продержится.

Цзян Ту нахмурился, предчувствуя неладное:

— Великая беда — это что?

— Ну, например, внезапный прорыв дыхания скверны или стремительное угасание духовной энергии, — охотно пояснил Чэн Жан. — Но судя по тому, какими темпами духовные силы истощались в последнее столетие, процесс этот медленный. Если не произойдет резкого обвала, Среднее и Верхнее царства успеют перераспределить ресурсы.

Истощение духовной энергии действительно происходило постепенно. Спокойствие Чэн Жана было вполне объяснимым: законы равновесия инь и ян делали вероятность внезапного угасания ничтожно малой, один шанс на миллион.

Однако Цзян Ту помнил о пророчестве Байцзэ. Он знал, что этот ничтожный шанс со дня на день может превратиться в неизбежность.

Он украдкой взглянул на притихшего подле него Е Хуая. Мальчишка слушал их разговор с полным безучастием, точно сказку о чужих краях, даже не подозревая, что главным источником грядущего хаоса суждено стать ему самому.

В груди Цзян Ту холодным узлом сжалась тревога. Время неумолимо ускользало.

— Полагаю, господин Цзян ценит покой, так что это место подойдет как нельзя лучше. Внутри есть все необходимое. Если понадобится что-то еще, только скажите, не стесняйтесь.

Чэн Се привел их к аккуратному бамбуковому домику. Вокруг росли диковинные деревья, их листва тихо шелестела под порывами ветра. Здесь царило умиротворение — жилище выглядело несравненно изысканнее и чище того убогого угла, что им отвели в деревне Множества Благословений.

— Вы чрезвычайно предусмотрительны, старейшина, — вежливо поблагодарил Цзян Ту.

Поскольку оба брата носили фамилию покойного главы ордена, Цзян Ту счел наиболее уместным обратиться к Чэн Се по его титулу.

Эта официальная дистанция заставила Чэн Се на мгновение запнуться, но он тут же мягко улыбнулся:

— Господин Цзян, прошу вас, зовите меня просто Шаофу.

Цзян Ту понимающе усмехнулся:

— Хорошо, Шаофу.

Уголки губ Чэн Се приподнялись в теплой улыбке. Обменявшись еще парой любезностей, он вежливо откланялся и, уходя, тихо прикрыл за собой дверь.

Стоило защелкнуть замок, как Цзян Ту обернулся и наткнулся на угрюмый взгляд Е Хуая. Мальчишка стоял неподвижно, уставившись в пространство перед собой, и забавно морщил нос, словно к чему-то принюхиваясь.

Цзян Ту на мгновение почудилось, будто перед ним снова стоит его верный пес Сяо Хэй — тот точно так же топорщил шерсть и скалился, когда в Поместье Владыки преисподней забредал чужак. Подавив смешок, Цзян Ту дружелюбно поинтересовался:

— И что мы там высматриваем?

Е Хуай, однако, истолковал его мягкий тон по-своему, решив, что Цзян Ту до сих пор пребывает в благодушном настроении после беседы со старейшиной:

— Благодетель... вам нравится этот Чэн Се?

«Что за нелепые расспросы?»

Цзян Ту ненадолго задумался, прежде чем ответить:

— Чэн Се ведет себя как истинный благородный муж.

Он не навязывался, но и не лебезил, умея подстроиться под любой характер. С такими людьми приятно иметь дело — они безупречно чувствуют чужие границы, избавляя от лишней неловкости.

Впрочем, сквозь внешнее радушие Цзян Ту отчетливо видел его скрытную натуру. Чэн Се походил на глубокий омут: путник замечает лишь прозрачную гладь воды, совершенно забывая про таящуюся под ней бездну. Никто не свят, и осторожность — лишь способ выжить в суровом мире. Цзян Ту не собирался судить его за это, а уж о симпатии и речи быть не могло.

Увы, в ушах ревнивого мальчишки эти слова прозвучали чистейшим восторгом. Плечи Е Хуая мгновенно поникли, и он уныло пробормотал:

— Вот как... Да, наверное...

Спроси его кто, чем именно плох Чэн Се, он не нашел бы аргументов. Мальчишкой двигало чистое упрямое предчувствие: ему не нравилось, как этот холеный заклинатель крутится вокруг Цзян Ту, словно пытаясь перетянуть все внимание на себя. В душе Е Хуая глухо ворочался детский, собственнический страх потерять своего благодетеля. Разумеется, признаться в подобных глупостях он не смел, боясь показаться капризным ребенком.

Цзян Ту прошел в глубь комнаты. Его взгляд зацепился за аккуратный чайный столик. Чай в пиалах все еще исходил паром, а пыльный пирог оставался мягким и свежим — угощение принесли буквально перед их приходом. Когда Чэн Се успел отдать приказание слугам? Такая дотошная забота граничила с пугающей проницательностью.

Цзян Ту опустился на циновку у стола. Е Хуай последовал за ним, но садиться не стал, замерев рядом неприкаянным изваянием.

Цзян Ту не спешил нарушать молчание, позволяя юноше буравить себя преданным, тоскливым взглядом. Сам он при этом сохранял абсолютную невозмутимость. Он давно подметил за Е Хуаем эту дурную привычку — держать все обиды в себе. Если не расспрашивать мальчишку насильно, тот будет молчать до последнего, а подобные недомолвки в будущем могли сильно усложнить путь к его вознесению.

Потоптавшись еще немного, Е Хуай понурил голову, окончательно оставив попытки заговорить.

Цзян Ту не стал давить, решив продолжить его обучение:

— Иди в спальню, отдохни. По крайней мере, сегодня мы сможем выспаться в тепле.

В конце концов, после утомительного побега из деревни Множества Благословений Е Хуай совсем выбился из сил. Они спали урывками, постоянно путая день с ночью. С таким сумасшедшим ритмом растущий организм мальчишки рисковал навсегда остаться недоразвитым.

— Хорошо, — послушно кивнул Е Хуай, однако в его глазах блеснула робкая надежда. — А вы, благодетель? Ваши раны еще не затянулись...

В бамбуковом домике была всего одна спальня. Если бы Цзян Ту согласился прилечь, они снова разделили бы ложе, как прежде. Но Цзян Ту предпочел проигнорировать этот безмолвный призыв:

— Я не устал. Ложись, меня ждать не нужно.

Сраженный волной разочарования, Е Хуай неуклюже, словно деревянная кукла, развернулся и побрел вглубь дома.

Едва тяжелые шаги затихли за ширмой, Цзян Ту медленно закрыл глаза.

В тот же миг меж его бровей вспыхнуло алое зарево, и в воздухе распустился кроваво-красный цветок туми. Лепестки опали на пол, и комнату поглотила первозданная тьма.

Налетевший вихрь потустороннего холода и сырости увлек за собой сознание Цзян Ту. Цветок туми, словно растворившись в ледяных водах подземной реки, исчез без следа, не оставив после себя даже слабого колебания духовных сил.

Духовная нить, укутанная алыми лепестками, стремительно падала в бездну, пока тьма наконец не расступилась, уступая место бесконечному багровому пожару.

Из осыпавшегося пепла соткался истинный облик Цзян Ту. Белоснежные волосы были небрежно заколоты на затылке, и лишь несколько прядей мягко спускались на плечи, скрывая крохотную родинку на шее. На смену простым одеждам пришло строгое угольно-черное одеяние, а на поясе тускло поблескивала нефритовая пластина — символ его безграничной власти над преисподней.

Таковым был его подлинный лик. Хотя его смертная оболочка во многом походила на божественную, из-за приметных белых волос являть свою истинную суть в мире живых он мог лишь во время высвобождения божественной силы.

Цзян Ту поднял взор. Перед ним грозно высились ворота с высеченной надписью: «Поместье Владыки преисподней».

Прямой переход в Царство мертвых требовал колоссальных затрат энергии. С тех пор как Цзян Ту вернулся в мир живых, у него просто не выдавалось подходящего момента для столь рискованного шага. Но сейчас время пришло.

— Гав! Вуф-гав!

Не успел он сделать и шага, как из приоткрытых ворот с радостным визгом вылетел огромный угольно-черный пес. Сяо Хэй запрыгал вокруг хозяина, норовя лизнуть его в лицо и преданно заглядывая в глаза.

Хвост трехглавой бестии метался из стороны в сторону с бешеной скоростью. Ткнувшись мокрым носом в запястье Цзян Ту, пес вдруг замер, шумно втянул воздух и глухо, угрожающе зарычал, обнажая острые клыки.

Не понимая причины его гнева, Цзян Ту ласково потрепал пса по загривку, успокаивая, и увлек за собой во внутренний двор.

Едва он миновал порог, из глубины поместья донесся насмешливый голос:

— Ну надо же, Цзян Ту. Неужто ты завел себе в мире живых другую дворняжку? Твой Сяо Хэй сейчас просто лопнет от ревности.

<http://bllate.org/book/19047/1956109>